

©1991 г.

С.Н. САВЕЛЬЕВ

БОГ И КОМИССАРЫ

САВЕЛЬЕВ Сергей Николаевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и философии религии философского факультета Ленинградского университета

За последнее время появилось много публикаций о репрессиях против церквей, духовенства и верующих [1]. В качестве исполнителей назывались структуры ВЧК—ГПУ—НКВД, а теоретической основы — статья Ленина «О значении воинствующего материализма». Но что известно о самой Антирелигиозной комиссии, о том, как она работала, для чего была создана?

В ее состав в разное время входили: Ем. Ярославский, А.В. Луначарский, В.Р. Менжинский, П.Г. Сидович, В.Д. Бонч-Бруевич, П.А. Красиков, Г.В. Чичерин, Н.В. Крыленко, М.М. Литвинов, Я.С. Агранов, А.А. Сольц, И.И. Скворцов-Степанов, Н.К. Нариманов и другие руководители партийных и правительственных учреждений и организаций. На первых порах действовали они неуверенно. Протянут руку, попробуют, и если ничего, обошлось, — тут же смеются. И в следующий раз руку уже протягивают дальше. Стратегию и тактику комиссии определяли В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, Л.В. Каменев, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский, Л.М. Каганович, А.И. Рыков. Разовые поручения выполняли помощники, которые иногда допускались на ее заседания в качестве приглашенных и экспертов. Среди них (около 80 человек) можно встретить фамилии довольно известные: Дерибас, Флеровский, Брихничев, Бройдо, Карахан, Петерс, Бергавинов, Крупская, Дзержинская, Лебедев-Полянский, Хагаевич, Диманштейн.

Сохранившиеся протоколы заседаний Антирелигиозной комиссии позволяют определить общую численность руководящих воинствующих безбожников, причастных к ее деятельности, в 100 человек.

* * *

Высоким и глухим забором вот уже почти 70 лет отгорожена от гласности деятельность этой Антирелигиозной («атеизационной») комиссии, которая

планировала и организовывала борьбу с религией и верующими на всей территории огромной страны. Эта комиссия не занесена в список преступных организаций, но ее деятельность должна быть проанализирована, ибо она теснейшим образом связана с фундаментальными проблемами истории и теории социализма. В истории насильственной атеизации населения СССР по-прежнему много неясного, но суждение о деятельности самой комиссии можно составить уже сегодня. Для этого не обязательно знакомиться с архивами Лубянки, тем более что они, по всей вероятности, уже не существуют.

Задачу комиссии определил специальный расширенный партийный пленум 1921 г., постановление которого не публиковалось даже в официальных сборниках партийных документов. В его работе непосредственное участие принимал В.И. Ленин. Он не только редактировал обсуждавшийся на этом пленуме доклад Ярославского, но и одобрил текст постановления, принятый участниками. «Задача всей этой работы в совокупности, — указывалось в постановлении, — должна заключаться в том, чтобы на место религиозного миропонимания поставить стройную коммунистическую научную систему, обнимающую и объясняющую вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская и рабочая масса искала в религии» [2].

В истории еще не было случая, чтобы новое мировоззрение провозглашалось единственно правильным и господствующим раньше, чем будут созданы для этого нормальные условия. Насильно утверждаемое право считать только одну точку зрения, только одно мировоззрение истиной в последней инстанции — своего рода идеологический расизм. С этого майского пленума ЦК РКП(б) 1921 г. духовная жизнь страны проходит как бы на оккупированной территории, где оккупант — государственная идеология. И до сих пор население нашей страны не имеет права, да и не умеет жить в понятиях равноправного многообразия — атеизма и религии, материализма и идеализма, разных политических взглядов и т.п.

Когда автор этих строк ровно четверть века тому назад впервые знакомился с протоколами этой таинственной комиссии (она проводила свои заседания в приемной М.И. Калинина регулярно каждые две недели), его поразило, что ею руководили почти сплошь малограмотные, но очень жестокие люди. Как правило, самоучки, четыре-пять классов образования! Даже у руководителей комиссии—никаких самых элементарных знаний о религии, не говоря уже о методологии исторического или философского анализа. Чем этих людей заряжали референты и консультанты ГПУ—НКВД, тем они и выстреливали: работали на справках VI отделения Объединенного политического управления. Тем не менее, члены комиссии во главе с Ем. Ярославским отдавали на поношение, разгром и уничтожение целые направления религиозной и нравственной мысли России.

Архивные материалы, отражающие деятельность Агитпропотдела ЦК (АГО ЦК) в начале 20-х годов, позволяют сделать вывод о том, что прототипом Антирелигиозной была антицерковная комиссия при Агитпропе, первые упоминания о которой относятся к июлю 1921 г. [3]. Эта комиссия была создана с целью координации антирелигиозной деятельности в стране и включала большое число чиновников из коллегии АПО ЦК, Московского комитета РКП(б), VIII (ликвидационного) отдела НКЮ, ЦК РКСМ, Наркомпроса, ПУРа, Главполитпросвета. Секретарем ЦК по пропаганде в этот период (март—август 1921 г.) был Ем. Ярославский. Основное внимание он уделял пропагандистской стороне дела, и комиссия под его влиянием пыталась играть роль своеобразного методического центра по антирелигиозной пропаганде, утверждая планы издания брошюр, листовок, плакатов, инструктивных антицерковных докладов и т.п.

Статья Ленина «О значении воинствующего материализма» положила конец этой дилетантской практике. Требуя поднять антирелигиозную пропаганду до уровня и накала «воинствующего атеизма», он писал: «У нас есть ведомства или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло, крайне неудовлетворительно...» [4]. Теория или термин настолько справедливы, насколько в них нуждаются, насколько они работают, когда нужно унижать, разоблачать, порочить и преследовать. Нужны ли эти термины, на которых лежит печать и ответ массовых гонений и репрессий, сейчас?

Свою антирелигиозную статью Ленин писал два дня — 14 и 15 марта 1922 г. А 19 марта он пишет жесткое «Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро РКП(б)», в котором выдвигает требование проучить духовенство так, «чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [5]. Разумеется, дилетантская деятельность Антирелигиозной комиссии при подотделе ЦК этим требованиям удовлетворить никак не могла.

Взамен нее, а также других параллельно действующих в недрах ЦК РКП(б) антицерковных и антисектантских комиссий (руководимых, по видимому, Троцким), было решено создать нечто совсем особенное. 15 мая 1922 г. Троцкий пишет «совершенно секретное» письмо всем членам Политбюро ЦК (копию в редакции «Правды», «Известий» и Ленину), в котором обвиняет газеты «Правду» и «Известия» в непонимании и недооценке того, что, по его мнению, «происходит в церкви и вокруг нее»: «Мельчайшая гемузская дребедень занимает целые страницы (подчеркнуто В.И. Лениным), в то время, как глубочайшей духовной революции в русском народе (или, вернее, подготовке этой глубочайшей революции) отводятся задворки газет». В конце этой фразы с подчеркнутыми Лениным словами, им же сделана приписка: «Верно! 1 000 раз верно! Долой дребедень!» [6].

* * *

13 октября 1922 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) с докладом об учреждении Антирелигиозной комиссии с совершенно новыми задачами и особыми полномочиями выступил заведующий Агитпропа ЦК А.С. Бубнов [7]. Спустя несколько дней на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 19 октября с участием В.И. Ленина это решение утверждается и обговаривается предварительный состав этой секретной комиссии [8]. Архивные документы протокольной части общего отдела ЦК РКП(б) позволяют, однако, сделать любопытный вывод. Дело в том, что Антирелигиозная комиссия в новом составе и с новыми полномочиями начала свою работу еще в сентябре 1922 г.: протокол № 1 с грифом «совершенно секретно» датирован 27 сентября 1922 г. Так что пока церковная верхушка «коллегиально» еще только обсуждала проблему, работа комиссии шла полным ходом. И состав ее был утвержден, очевидно келейно, в более интимном кругу. В числе первых — духовная Россия должна знать своих палачей - Менжинский, Дерибас, Красилов, Галкин и Ребров. Председательствовал Красилов [9]. Практически весь период, начиная с 1918 г и до настоящего времени, религиозные организации находились под пристальным наблюдением и жесточайшим контролем Политбюро ЦК и ее Антирелигиозной комиссии, которая пыталась дозировать меру веры и неверия определяла и регулировала религиозное пространство, количество церквей

мечетей и молитвенных домов, устанавливала нужную степень запугивания и подкупа церковной иерархии.

Какие же проблемы обсуждали, какие вопросы решали на самом первом заседании члены этой комиссии? Протокол отвечает на эти вопросы (здесь и далее сохраняются стиль, пунктуация и орфография оригинала): «1. О группировках в ВЦУ. а. Ввести во ВЦУ епископа нижегородского Евдокима, б. Усилить движение левого течения, в. Слияние групп "Живая церковь" и "Церковь возрождения" оставить и вовлечь в левое течение. 2. О напечатанном заявлении Антонина в "Правде" N 217. 2. Предложить т. Красикову предупредить редакцию газеты "Правда" о недопустимости печатания статей по церковному движению без согласия на то Комиссии. 3. О развитии сектантства. 3. Провести через комиссию высылку баптистов. Подпись: Е. Тучков» [9].

Забегая вперед сквозь годы, любопытно сравнить этот первый протокол комиссии 1922 г. с извлечениями из протокола N 118 ее последнего заседания 4 ноября 1929 г. «Присутствовали: т.т. Ярославский, Красиков, Стуков, Кузнецов, Икрянистова (НКЗ) и Дронин (ОКВК). 1. Рассмотрение ходатайства церковников об издании религиозных календарей на 1930 год (Тучков). 1. В издании религиозных календарей отказать, о чем поставить в известность Главнауку для дачи ею соответствующих указаний на места... 1. Об урегулировании колокольного звона.

Советское законодательство совершенно определенно выдвигает положение, что проявление деятельности религиозных организаций должно быть строго ограничено лишь рамками религиозного исповедания и отправления культа внутри самой организации. Из этого положения логически вытекает необходимость строгого ограничения и внешних (публичных) ритуальных и ритуально-технических проявлений деятельности религиозных организаций в том числе в первую очередь, колокольного звона.

Колокольный звон производимый на всю данную округу церковниками, резким образом противоречит принципу отделения церкви от государства, нарушает бытовые условия и права широких безрелигиозных трудящихся масс, особенно города, мешает труду и использованию трудящимся населением его отдыха.

Даже буржуазное законодательство и практика по отношению к церковному колокольному звону содержит в себе строго ограничительные, а кое-где, как например в Швейцарии (так в тексте. — С. С.) прямо запретительные нормы.

При всех этих условиях и при наличии соответствующих требований, идущих со стороны культурно выросших широких трудовых масс, необходимо нашим правительственным органам встать на путь применения в отношении к церковному колокольному звону строго ограничительных и даже запретительных мер.

В согласии с нашим законодательством и с интересом широких слоев трудящихся необходимо в отношении к городу: 1. Запретить совершенно так называемый трезвон во все колокола. 2. Разрешить постановлением местных органов власти звон в маленький колокол установленного веса и в установленные часы, по просьбе религиозных организаций, каковое условие вносится в договор на использование молитвенного здания. При сокращении колокольного звона колокола должны быть сняты и переданы в соответствующие государственные учреждения, для использования в хозяйственных целях. В отношении к деревне эти меры принимаются лишь в крупных промышленно-торговых селах и поселениях городского типа...

6. О выселении Высшего временного церковного Совета из помещения бывшего Донского монастыря (Т. Тучков)... 7. Считать необходимым, чтобы АПО ЦК и Союз безбожников дали указания местным организациям, где сосредоточено меннонитское и духоборческое население о принятии мер по противодействию эмигрантского движения... В тех же целях использовать имеющийся

материал об избивании американской полицией духоборов. Председатель АРК — Ярославский. Секретарь — И. Тучков. 17.XI.29 г. Отпечатано в 4-х экз. и разослано: 1. Подлинник — в Секретариат ЦК. 2. Копии — т. Красикову, Смиловичу, ОГПУ» [10].

Круг лиц, коим должны были рассылаться распоряжения и выписки из протоколов комиссии, был сугубо ограниченным. Безусловно воспрещалась передача выписок и отдельных распоряжений комиссии лицам, «коим выписка или распоряжения не адресованы», их надлежало хранить в особых личных делах и ни в коем случае не допускалось «приложение их к советскому и профсоюзному делопроизводству». Обо всех случаях нарушения этого порядка следовало немедленно доводить до сведения Секретариата ЦК РКП(б) «для предания виновных строжайшей партийной ответственности» [11]. Все 118 протоколов комиссии начинаются словами «совершенно секретно», «хранить конспиративно», а иногда даже «хранить наравне с шифром».

В тех редких статьях отечественных (и зарубежных) публицистов, где присутствуют смутные упоминания или догадки относительно характера действовавшей в СССР некой комиссии, ведущей борьбу с церковью, ее называют по-разному: то антицерковной, то антирелигиозной. Тем же, кто захотел бы называть ее правильно, следует учесть, что официальное ее наименование в 1922—1928 гг. — Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б), а с 13 июня 1928 г. по 17 ноября 1929 г. — Антирелигиозная комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б).

Всего, как уже упоминалось, состоялось 118 заседаний этой комиссии, что свидетельствует о регулярности и интенсивности ее работы. В 1922 г. было запроотоколировано 9 заседаний (Протоколы NN 1—9). К 1923 г. относятся протоколы NN 10—41а; 1924 — NN 42—62; 1925 — NN 63—68; 1926 — NN 69—80; 1927 — NN 81—93; 1928 NN 94—105; 1929 г. — NN 106—118.

За неполные восемь лет работы было «рассмотрено», выражаясь протокольным языком самой комиссии, 842 вопроса, касающихся политики партии и государства в отношении религиозных организаций, обсуждались проекты директив по религиозному вопросу и внедрению атеизма в стране, готовились соответствующие материалы к съездам партии и пленумам ЦК, отдавались распоряжения всевозможным ведомствам и учреждениям, разрабатывались планы проведения различных мероприятий в области пропаганды воинствующего атеизма.

Духовенство и верующие, которые поверили было обещаниям, данным в декрете 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», и понадеялись, что коммунисты не будут вмешиваться в жизнь церкви, не поняли своеобразных моральных возможностей большевиков, которые в качестве государственных руководителей могли давать обещания, а в качестве партийных вождей не должны были их исполнять. Государственная власть официально давала твердые обещания и гарантии, а партийные органы, организовывая давление партийных, комсомольских, люмпенских масс снизу, сводили их на нет. Эту политику позднее скопировали руководители национал-социалистической революции в Германии.

* * *

Не решаясь приступить к готовившемуся «делу» патриарха Тихона, опасаясь реакции мирового сообщества, Политбюро совершенно неожиданно осуществляет диверсию, направленную против католического меньшинства. Сегодня ясно выдвигается, что процесс католического архиепископа Цепляка и прелата Буткевича был инспирирован исключительно для испытания европейских настроений перед самым началом суда над патриархом Тихоном (как он был

первоначально официально определен). Антирелигиозная комиссия на своем заседании 6 марта 1923 г. детально «проработала» ситуацию. К присутствующим на заседании членам комиссии Ярославскому, Красикову, Попову, Менжинскому, Скворцову-Степанову, Тучкову для «усиления» были прибавлены «приглашенные по делу Цепляка и Тихона тт. Крыленко и Агранов» [12]. Доклад сделал Крыленко. Дело патриарха решено было начать 25 и окончить 30 марта. Галкину и Крыленко поручили «организовать охрану процесса и его техническую сторону» [Там же]. Антирелигиозные комиссары на всякий случай еще раз обратились в Политбюро с просьбой «дать точные директивы суду о мере наказания, приняв во внимание международную обстановку» [Там же]. Цепляк и Буткевич к этому времени уже находились под арестом. Еще 5 марта 1923 г. архиепископ Цепляк и пятнадцать других католических священнослужителей были вызваны в Ревтрибунал в Москву, где на вокзале были сразу арестованы и доставлены на Лубянку в открытом военном грузовике под вооруженной охраной (по другим сведениям Цепляк был арестован позже, в доме католической церкви в Москве, после обыска, произведенного отрядом сотрудников ГПУ). Нет оснований сомневаться, что акция была назначена на этот день отнюдь не случайно. Целью этого «мероприятия» было стремление дать повод для антирелигиозной истерии накануне Пасхальных праздников и подготовить почву среди московской черни для предстоящего процесса над патриархом русской православной церкви. 11 марта 1923 г. в «Правде» появилось извещение следующего содержания: «14 марта в Верховном суде будет слушаться процесс католических церковников, обвиняемых в противодействии декрету советской власти об изъятии церковных ценностей и отделении церкви от государства». За несколько дней до начала процесса комиссия поручила ГПУ организовать митинг с целью мобилизовать общественное мнение «для давления на ревтрибунал и заставить его вынести подсудимым суровый приговор». По предложению коммуниста Мартлевского (агента ГПУ), собрание приняло резолюцию, обвиняющую всех арестованных католических священников во главе с архиепископом Цепляком в контрреволюционной борьбе с советской властью. Тот же Мартлевский выступил в «Известиях» со статьей, обвиняющей Ватикан в попытках через католическую церковь в СССР вмешаться во внутренние дела республики.

Обстоятельства «дела», как они описывались в партпрессе тех дней, были очень несложными и состояли в следующем: как писала «Правда» (11 марта 1923 г.), «в апреле 1920 г. агентами ВЧК в Петрограде были произведены обыски у гр. Буткевича, в результате которых были найдены черновики протоколов заседаний римско-католического духовенства, имевших место в разных местах Петрограда за период времени с 18 декабря 1918 г. по 7-е апреля 1920 г. На этих заседаниях присутствовали архиепископ Могилевский Ропп, епископ Ян Цепляк, прелаты: А. Манецкий и Буткевич, ксендзы: Василевский, Модовилкис, Юневич, Маждякис и ряд других».

В содержании этих протоколов Антирелигиозная комиссия два года спустя усмотрела злостное намерение оказать противодействие проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства. Ухватившись за факты неподчинения некоторых из католических священников приказу об изъятии церковных ценностей, комиссия поспешила соединить оба обвинения в одно и на заседании 30 января 1923 г. запланировала порядок будущих арестов и репрессий. «Порядок дня» этого заседания состоял из двух главных вопросов: «1. О деле Тихона. 2. О деле Цепляка». По первому вопросу постановили «ограничить до минимума число обвиняемых и свидетелей». По второму — «окончательное решение по делу отложить до следующего заседания комиссии, пригласив на таковое представителей от наркомпроса и от Политбюро тов. Гольтмана» [12, л. 2].

Сопrotивление «приказу об изъятии церковных ценностей» со стороны католических священников действительно имело место (ведь отнимали последнюю), но носило вполне мирный характер. В отчете по делу Цепляка, помещенном в «Правде» 22 марта 1923 г., показания свидетеля обвинения начальника административного отдела Московско-Нарвского района Петрограда Смирнова описывают картину изъятия ценностей в одном из костелов следующим образом: «Когда комиссия вошла в храм, Грицко и другой, находившийся вместе с ним ксендз, стали на колени и вместе с прихожанами стали петь псалмы. После неоднократно повторенной просьбы разойтись, пришлось употреблять силу и выводить из церкви сопротивляющихся ее опечатыванию. Толпа была при этом весьма экзальтирована, и слышались возгласы: "Советская власть не всегда будет, а церковь останется на века!"».

Все подобного рода показания свидетелей обвинения выстраивались явно не в пользу обвиняемых и послужили тягчайшими уликами в контрреволюционной и антисоветской деятельности. Особой заинтересованности в расследовании случаев сопротивления католической церковью изъятию ценностей из костелов ревтрибунал однако не проявил. Это понятно, если принять во внимание, что почти все уже было изъято и принадлежало партийной казне. Об этом сообщили Антирелигиозной комиссии Менжинский и Тучков еще до 8 ноября 1922 г., когда Смилович, Красиков, Флеровский, Скворцов-Степанов и Дерибас обсуждали вопрос «об эвакуированных из Польши во время империалистической войны церковных ценностях, находящихся в разных монастырях и церквях Москвы скрытыми» [13]. Утром того же дня (в 9 ч. 30 мин) было решено все вывезенные из Польши и припрятанные в подвалах Москвы ценности сосредоточить в Гохране на складах под фиктивной вывеской [Там же].

О самом ходе процесса над Цепляком европейские газеты сообщали в следующих выражениях: «Архиепископ Цепляк и другие подсудимые держатся с большим достоинством, не скрывая своего презрения к советской власти. Откровенные ответы обвиняемых на вопросы председателя трибунала несколько даже смущают защиту. На вопрос — "признают ли они советскую власть?" — подсудимые ответили: "Мы признаем Рим, а не Москву"» [14].

Верховный суд признал Цепляка и Буткевича «виновными в сознательном руководстве контрреволюционными действиями организации петроградских католических священников, направленными к сопротивлению Советской власти, ослаблению пролетарской диктатуры, восстановлению старых имущественных прав церкви и провокации масс прихожан к выступлению против Советской власти, — провокации, приведшей, при наличности религиозных предрассудков этой массы, к таковым выступлениям, а также в отказе исполнять советские законы, что предусмотрено ст. 62, 119 и 121 Уголовного кодекса» [15].

Никаких конкретных обвинений, как видим, предъявлено не было. Но кремлевским деятелям явно не терпелось затеять бой, чтобы покончить с христианством в России во всех его проявлениях, поскольку было явно: либо большевизм, либо христианство победит в России. Позднее, уже в 40-х годах, Ярославский делает характерные выписки из национал-социалистической книги «Бог и народ»: «Фронты ясны. На одном — Христос, на другом — Германия. Третьего не дано. Компромисс невозможен. Может быть только определенное решение... Христианство — религия малых, слабых и трусливых. Бог христианства — Бог любви, а любовь не есть божественная сущность. Мы, немцы, должны быть первыми, которые покончат с христианством. Это — для нас честь. Поэтому мы, немцы, не можем быть христианами» [16].

Процесс над католическими священнослужителями продолжался с 21 по 26 марта 1923 г. На рассвете 26 марта трибуналом был вынесен заранее

предрешенный приговор, а 27 марта газета «Известия» поместила на своих страницах этот страшный документ: «Цепляка и Буткевича подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять. Эйсмонта, Юнкевича, Хвещко, Ходневича и Федорова подвергнуть лишению свободы сроком на десять лет со строгой изоляцией и поражением прав». Еще шестерых подсудимых осудили на три года тюрьмы: одного к шести месяцам условно, а подсудимого Шарнаса из-под стражи освободили прямо в зале суда.

Откликаясь на это страшное событие, московские и петроградские газеты приводили слова красного прокурора Крыленко на суде по делу архиепископа Цепляка: «Ваша карта бита — ныне вы должны платить».

«Ставка», «карта бита», «игра проиграна» — эти слова принадлежали к любимому сленгу, жаргону кремлевских сановников. Сейчас уже ясно, что все казни и процессы над духовенством были сами по себе преступными с юридической точки зрения. Антирелигиозной комиссией были подготовлены и совершены действия, которые считались преступными в любой стране, за исключением фашистских государств. Но руководители безбожного движения восприняли и другую традицию — уголовную традицию — ненависть блатарей к христианству. Христианская религия была для них слишком сложна, а ее заповеди убийственны. Дело ведь не в том, кто верующий, кто неверующий. Просто новые воры в законе свергали веру «образованных», меняя ее на веру «необразованных». Широко известно, что Сталина называли «паханом». Пахан — главарь шайки, держащий в руках все нити, бог и отец, верховный и тайный судья. Эта маленькая деталь («ваша карта бита») отлично характеризует духовный климат в правящих слоях республики. Кремль становился большим домом для рискованных политических игроков. Люди, пришедшие к власти, были в значительной степени из этой породы. Не все, но многие. Христианство им мешало. С размахом опьяневших игроков вожди швыряли на стол величайшее духовное сокровище: христианскую нравственность.

Кремль бросил вызов, восстал против Бога. «Коммунизм поставил себе целью убить в человеке благородное начало, — писала в те дни газета "Курьер Варшавский" (6 апреля 1923 г.), — лишив его моральности религии; этим способом старается коммунизм создать новое поколение людей без чести и веры, лишенное совести, новое поколение в полной мере оматериализованное, бесстыдное, циничное, управляемое исключительно звериным страхом перед занесенной над ним нагайкой красных царей». И далее корреспондент газеты вспоминает Д.М. Мережковского: «До сих пор у меня звучат его слова: "Мировая война окончится новой войной, войной креста с пентаграммой. На небосклоне виднеется новый знак: кроваво-красная звезда. Все в огне и крови..." Свобода стала насилием, равенство — неволей, братство — резней ближних. Революция стала реакцией, какой до сих пор не видел свет. И имя этой реакции — большевизм. Но крест победит».

Приговор ревтрибунала над Цепляком, Буткевичем и другими католическими священниками комиссия рекомендовала, однако, исполнением приостановить вплоть до особого распоряжения «президиума ВЦИК». Эта отсрочка объяснялась опасениями Политбюро перед возможными последствиями такой преступной расправы. Возмущение и негодование, охватившее Европу, нашло отражение не только в прессе, но и в выступлениях представителей церкви и высших правительственных руководителей.

Тем временем стали выясняться некоторые дополнительные подробности о начале гонений на католическую церковь. 2 декабря 1922 г. комиссарами Антирелигиозной комиссии был закрыт первый католический костел в Петрограде. Этой акции предшествовало решение комиссии «поручить НКЮ разработать циркуляр (положение) о запрещении религиозной пропаганды вообще», и обсуждение на заседании 28 ноября 1922 г. доклада наркомюста

Красикова «Об обложении квартирной платой молитвенных домов» [17].

На своем заседании 5 декабря комиссия, ознакомившись с состоянием умов в Петрограде после закрытия костела, постановила «дать директиву по линии ЦК РКП с разъяснением о том, что органами, проводящими практически церковную политику на местах, должны быть местные отделы ГПУ» [17, л. 18]. В тот же день было решено линию на усиление репрессий против «католических ксендзов оставить прежнюю. Не желающим заключать договоров, костелы не отдавать, в случае дальнейшего упорства католических ксендзов, признать возможным сдачу костелов другим группам, желающим снять в аренду эти помещения» [24]. К этому времени были закрыты в том же Петрограде еще десять католических церквей. 6 декабря через папского нунция в Варшаве Цепляк обратился к Римскому папе с воззванием. Однако операцию против католиков 5 марта 1923 г. завершил арест «группы Цепляка». Премьер-министр Польши Сикорский выступил в сейме 27 марта с резким заявлением против объявленного в Москве приговора. В опубликованном на следующий день газетой «За свободу» тексте заявления польского премьера говорилось: «В виду того, что в данном случае вопрос касается польского национального меньшинства в Советской России, т.е. около 2 миллионов наших современников, естественно, что польское правительство и народ были заинтересованы... ходом процесса... Советское правительство в течение целого года давало безусловно успокаивающие сведения. Возбуждение процесса было представлено, как что-то чисто формальное, не могущее повлечь за собой никаких серьезных последствий».

В адрес Совнаркома было направлено огромное число протестов, телеграмм, обращений. Приняв все эти протесты и заявления, партийно-советское руководство квалифицировало их как широкую антисоветскую кампанию, развернутую «капиталистической, социал-фашистской и церковной прессой». Спокойно переждав шквал негодования и хладнокровно проанализировав ситуацию, Политбюро пришло к выводу, что все это возбуждение не означает никакой конкретной и реальной угрозы (даже со стороны Польши) и ответило европейскому общественному мнению следующим документом, опубликованным в «Известиях» 30 марта 1923 г.

«Постановление Президиума ВЦИК: Президиум ВЦИК, рассмотрев ходатайства граждан Цепляка и Буткевича, осужденных Верховным судом к высшей мере наказания, постановил: ... — в изъятие из карательной политики республики заменить определенную судом гр. Цепляку высшую меру наказания десятилетним лишением свободы со строгой изоляцией. В отношении осужденного гр. Буткевича... — ходатайство о помиловании оставить без последствий. Председатель ВЦИК М. Калинин. Секретарь ВЦИК т. Сапронов Москва. Кремль. 29 марта 1923 г.» [17, л. 19].

6 апреля 1923 г. «Известия ВЦИК» объявили, что «приговор... приведен в исполнение». Убийство Буткевича было произведено в канун Пасхи, великого праздника всего христианского мира. Этим символическим повторением закрытия гроба Господня тяжелым крестом жрецы новой идеологии хотели убить веру в Воскресение. Оно было спланировано как сознательный вызов всему цивилизованному миру. Так оно и было расценено всеми христианами. Стали известны и потрясающие подробности убийства священника. 31 марта, в католическую Страстную Субботу, он был убит выстрелом в затылок в подвале ВЧК на Лубянке. «На месте казни прелат перекрестился, благословил палача и двух его помощников, а сам отвернулся к стене, зашептав слова молитвы. Выстрел палача прервал молитву священника» [18]. Тело прелата Буткевича, вместе с телами других казненных в тот же день, было отвезено в прозекторскую Яузского госпиталя. При вскрытии была обнаружена только одна револьверная пуля, засевавшая в мозгу. Выстрел был сделан, очевидно

в упор. Этот способ убивания подтвердил уже имеющиеся сведения о методах казни, которые назывались ВЧК расстрелом.

Ужас и возмущение этим убийством центральная партийная печать оценила в следующих выражениях: «Международная контрреволюция может орать, сколько ей нравится...» И далее: «Когда начался процесс Цепляка, среди германского католического "центра", среди польских антисемитов, среди английских консерваторов был поднят шум. Очень возможно, что приказ "делайте шум" был дан из самого средоточия католической реакции из Ватикана». И дополнила: «Пусть все знают, что каким бы флагом ни прикрывалась контрреволюция, она встретит отпор со стороны советской власти» («Известия». 1923, 30 марта). А глава Антирелигиозной комиссии Ярославский глумился над мировым общественным мнением в газете «Безбожник» (1923, 29 мая): «Оно знает, что польское правительство послало в Россию шпиона ксендза Буткевича, оно знает, что вся белогвардейщина имела своего ловкого и умного агента в лице бывшего патриарха Тихона. И вдруг — какие варвары! Большевики не только не позволяют Буткевичу заниматься шпионством, но за шпионаж его расстреливают... Конечно... тут нужна только придирка, зацепка...»

Процесс архиепископа Цепляка и расстрел ксендза Буткевича — это первый удар по христианству — по монастырям, чтобы разбежалась паства. Протоколы Антирелигиозной комиссии Политбюро ЦК 1923—1925 гг. — обвинительный акт по одному из самых страшных преступлений «правительства III Интернационала» — геноциде не только против католиков, но и против двухмиллионного польского меньшинства. Ограничимся только несколькими извлечениями из этих протоколов.

«15 мая 1923 г. Слушали: ...Заявление т. Чичерина по поводу смены ксендзов-поляков на немцев. Постановили: Считать желательным назначение епископа и ксендзов вместо поляков — немцев и возможное допущение некоторых из итальянцев...».

«26 июня 1923 г. Слушали: ... в) О церковных ценностях, эвакуированных из Польши во время империалистической войны, хранящихся в Металлофонде. Постановили: в) хранить в прежнем положении особо от остальных ценностей впредь до особого распоряжения...».

«4 июля 1923 г. Слушали:... 1. О католиках... Постановили:... в) Все означенные вопросы, а также вопрос о замене в России польских ксендзов ксендзами других национальностей провести в понедельник 9 июля через Полит. Б. ЦК РКП...».

«21 июля 1923 г. Слушали: 1. О католиках... Постановили: ... е) поручить тов. Тучкову срочно выяснить, где и какие духовные учебные заведения католиков имеются в России...».

«26 февраля 1924 г. Слушали: ... 11. Рассмотрение заявлений о досрочном освобождении заключенных по делу Цепляка. Постановили: 11. В просьбе о досрочном освобождении отказать...».

«21 марта 1924 г. Слушали: 1. Запрос НКВД относительно ведения церковной политики в Варшаве. Постановили: 1. а. Взятую Тихоном линию поведения насаждения в Польше своих епископов вопреки желания польского правительства считать целесообразной, б. Поручить т. Тучкову провести через Тихона увольнение митрополита Дионисия и назначить вместо него Владимира, изгнанного польским правительством за русофильство в монастырь, в. Провести через Синод назначение и посылку в Польшу своего митрополита вместо уволенного...».

«22 мая 1924 г. Слушали: ... 3. О католиках. Постановили: ... б) Поручить ОГПУ в (недельный) срок выработать положение о передвижении ксендзов как из-за границы, так и внутри СССР...».

«11 ноября 1925 г. Слушали: ... 2. О католиках. Доклад Тучкова. Поста-

новили: а. Одобрить линию откола католиков от (архиепископа) Роппа (Польша), б. Поручить ОГПУ продолжать работу в этом же направлении... г. При проведении работы иметь в виду, чтобы ксендзы не могли пойти по линии создания национальных католических организаций (Белорусской, Украинской и т.д.), линию, которую считать вредной...» [19].

* * *

8 августа 1929 г. собралось расширенное заседание Политбюро ЦК, на которое были вызваны Ярославский, Тучков, Криницкий, Косарев, Смидович, Путинцев. Докладывал об успехе в деле ликвидации всех религий в СССР Ем. Ярославский. Вел заседание Политбюро Молотов. Было решено в недельный срок выработать окончательную резолюцию, оценивающую религиозную ситуацию в стране [20]. Постановление гласило: «Религии со своими догмами, этикой, праздниками, обрядами, являясь сами по себе контрреволюционной идеологической силой, — тем легче обращаются антисоветскими элементами

в орудие срыва коллективизации сельского хозяйства, социалистического соревнования, перехода на непрерывную производственную неделю... все это ведет к ослаблению обороноспособности страны и является, по существу, подготовкой тыла в интересах мирового империализма [Там же, л. 19].

Вслед за этим на места пошла спецдиректива, подписанная Молотовым и Кагановичем, в которой религиозные организации (включая церковные советы, мусаваллиаты, синагогальные общества и т.п.) объявлялись легально действующей контрреволюционной силой, оказывающей влияние на массы населения [21]. Этой директивой фактически был отдан приказ к применению всеобщих гонений на верующих и репрессий против оставшихся в живых священнослужителей и духовенства.

Комиссия была уже не нужна. Перечислим же всех причастных к ее работе. Список включает только тех, кто руководил, служил в центральном аппарате или обслуживал этот аппарат в Москве (в хронологическом порядке):

1922 г. Бубнов, Зиновьев, Каменев, Ленин, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий, Бухарин, Калинин, Молотов, Андреев, Дзержинский, Куйбышев, Зеленский, Рудзутак.

Менжинский, Дерибас, Красиков, Галкин, Ребров, Скворцов, Флеровский, Тучков, Смидович, Брихничев, Бонч-Бруевич, Равич, Попов, Самсонов, Гонецкий, Крыленко.

1923 г. Михайлов, Короткое.

Лещинский, Ярославский, Агранов, Бройдо, Карахан, Петере, Чичерин, Диманштейн. Логинов, Лихачев, Иорданский, Яковлева, Сольц, Ефремов, Нариманов.

1924 г. Угланов, Сокольников, Фрунзе, Ворошилов, Догадов, Каганович, Николаева, Смирнов, Антипов, Лепсе, Чаплин.

Балицкий, Костеловская, Резников, Бергавинов, Савченко, Анцелович, Касименко, Ягода, Гусев, Артузов, Буцевич, Эшкинин.

1925 г. Путинцев, Залкинд.

1926 г. Петровский, Киров, Микоян, Орджоникидзе, Чубарь, Артюхина, Евдокимов, Квиринг, Косиор, Уханов, Шмидт, Шверник, Кубяк, Рахимович, Сулимов, Лобов.

Ербанов, Борисов, Крупская, Олещук, Луначарский, Кобецкий, Адиганов, Тагиров. Трипов. Левичев, Дзержинская.

1927 г. Бауман, Москвин, Котов.

Кацва, Шелыав, Хатаевич, Юревич, Чемерицкий, Лебедев-Полянский, Петросян. Кнорин, Курский.

1928г. Лукачевский, Глезарев, Монин, Сегаль, Нацов, Ральцевич, Королев, Лебедев, Гончарская, Ольховский, Стуков, Криницкий, Стэн, Толмачев, Товстуха.

1929г. Сырцов, Гамарник.

Икряннистова, Шейнман, Литвинов, Мегеровский, Бронер, Ибрагимов, Нухрат, Борисов, Пронин, Лидак, Болдаев, Ербашев, Кубанцева, Полянский, Кузнецов, Кандырев, Дронин, Рахманов, Савельев, Акулов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов. Указ Президента СССР // Известия. 1990. 15 августа.
2. Ярославский Ем. Против религии и церкви. М., 1933. С. 161.
3. Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ). Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 29. Л. 38, 40.
4. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 25.
5. Известия ЦК КПСС. 1990. N 4. С. 193.
6. Известия ЦК КПСС. 1990. N 4. С. 197.
7. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 310. Л. 6.
8. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 692.
9. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 112. Ед. хр. 443—а. Л. 1.
10. Там же. Оп. 113. Ед. хр. 871. Л. 47-50.
11. Там же. Ф. 89. Оп. 4. Ед. хр. 116. Л. 20 (об).
12. ЦПА ИМЛ. Ф. 89. Оп. 4. Ед. хр. 115. Л. 8.
13. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 112. Ед. хр. 443- а. Л. 9.
14. Последние новости. 1923. 25 марта.
15. Ярославский Ем. Против религии и церкви. М., 1932.
16. ЦПА ИМЛ. Ф. 89. Оп. 4. Ед. хр. 94. Л. 2.
17. ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 112. Ед. хр. 443—а. Л. 17,
18. За свободу. 1923. 11 апр.
19. ЦПА ИМЛ. Ф. 89. Оп. 4. Ед. хр. 115. Л. 16,29, 30, 36; Ф. 17. Оп. 112. Ед. хр. 565—а. Л. 54,57,61; ед. хр. 775. Л. 39.
20. ЦПА ИМЛ. Ф. 89. Оп. 4. Ед. хр. 122. Л. 7.
21. Бордюгов Г., Козлов В. Трагедия чрезвычайщины. Лит. газ. 1988. 12 окт.